

Пролог

Когда они приехали, еще стояло лето: чудесный денек, голубая эмаль неба и золотистый свет, дом вынырнул из-за поворота, купаясь в лучах солнца, которое заливало лужайку, а деревья вокруг поглаживали его своими листьями. Девочки выпрыгнули из повозки — последний отрезок пути они проехали стоя, рискуя сломать себе шею и вцепившись в пирамиду из стульев, которая грозила вот-вот обрушиться, — и побежали к дому, раскинув руки, словно хотели обнять близкого человека, которого давно не видели. Одна повыше, белокожая, со светлыми волосами; вторая — брюнетка, вся как будто из острых углов.

Отец засмеялся, наблюдая за их восторгом. Он повернулся к жене, которая сидела рядом на козлах — с третьей девочкой на руках, слишком крохотной, чтобы бежать за старшими.

— Мы будем тут счастливы, вот увидишь. Это же настоящий рай!

Так и стали они называть свой новый дом — «Рай».

ИСТОРИЯ МЭЙ МАЛЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Остальные должны были приехать позже. А им, первым, пришлось потрудиться: дом был пыльным — значит, надо всё помыть, расставить скудную мебель — словом, устроиться. Поначалу девочек совершенно опьяняла новая жизнь. Они исследовали лес, карабкались по деревьям, а еще завладели чердаком, превратив его в свое маленькое царство.

— Сейчас-то все просто, — говорила мать, когда делала небольшую передышку и переставала бегать, хлопотать, мыть и наводить порядок. — Но погожие дни не будут стоять вечно.

— Ты как муравей из басни. Но и мы не стрекозы, — говорил отец, опираясь на мотыгу. Он сразу взял на себя огород, это было его царство, и он, пока не прибыли остальные, мерил большими шагами участок, решая, что где посадить. — А к зиме мы уже устроимся как следует, вот увидишь. У нас будут дрова для топки и много свободного времени. У нас есть бумага, чтобы писать, книги, чтобы читать, и мысли, чтобы развивать. И главное, — мы сами! Мы одна семья. К нам приедут друзья, мы будем с ними разговаривать, спорить, размышлять. Это Рай — наш Рай станет предтечей лучшего мира. Что нам еще нужно?

*Две луны
в ведре*

Дорогая Марта!

Сегодня я собирала цветы тыквы, и они обиделись на меня. Пока я клала их в корзину, они все скужились. Может, они просто боятся, что их съедят? И правильно боятся. В огороде много тыкв, это единственное, что осталось в наследство от бывших хозяев; но они еще совсем крохотные, им нужно дать подрасти, даже если очень хочется съесть. Я случайно, а может, и нарочно, сорвала две тыковки, и матушка, не проронив ни слова, нарезала их, размяла и испекла кексы. И даже не стала на меня сердиться. Кексы вышли довольно вкусные — правда, зеленоватые, но вкусные. С крутым яйцом посередке они были бы еще вкуснее. Но яйца мы тут не едим. Пусть лучшие из них вылупляются цыплята.

Кстати, Табби и Джинджер стали настоящими маленькими пумами. Они лазают по деревьям фруктового сада и подстерегают ящериц. Я объясняю им, что отрывать хвосты — не по-христиански; пока что это единственное, в чем они грешны, но боюсь, когда-нибудь они совсем одичают и будут вытворять вещи и похуже, если мне не удастся их обратить. Матушка говорит, природа по сути своей не добрая. А отец — что каждое создание можно

чему-то научить. Я больше верю ему: уж как-нибудь я смогу научить двух кошек быть добрее.

Я хочу завести летучую мышь. Они, конечно, не много противные, но в чем-то даже красивые, похожи на мышей с крыльями. Помнишь, как мы завидовали Сэму Боттому и его белой мыши? Когда у меня будет своя летучая мышь, я научу ее вить гнездо в кустиках искусственной земляники на моей шляпке, и все дамы в церкви тоже захотят такую и перестанут так странно на нас коситься. Дело в том, что деревенские жители ненавидят все новое и непривычное, а мы для них очень непривычные. Но ведь мы живем достаточно далеко от деревни, так что можно вообще не обращать на нас внимания.

Матушка обещала мне на день рождения новое платье. Отец наверняка будет против, скажет, что оно мне ни к чему, мол, я и так хороша; но мать шьет его тайком, оно должно выйти очень красивым: в белую и красную полоску, как карамельная тросточка, — я выйду в нем на веранду, и у всех дух захватит от восторга, даже у Прекрасного Господина, тогда отец ни за что не отошлет меня наверх переодеваться. Это будет чудесный день рождения, я уверена.

Эйприл передает тебе привет и засушенную стрекозу, которую я вложила в конверт. Не бойся ее, не будь как городские девчонки. Это просто крохотное создание, которое больше не летает. Раньше она была очень красивой. А если посмотреть на

нее против света, она все еще переливается всеми цветами радуги.

Джун научилась ходить. Она такая очаровательная: сплошные локоны да ямочки. И ей еще хожу за ним специально на соседнюю ферму, по дороге домой отпиваю глоточек — никто не заметит. Хотя я могу обойтись и без молока. Пожалуй, я его даже не очень люблю. Отец говорит, что вода полезнее для здоровья, к тому же это дар небес, мы должны ценить его и восхвалять. Я и ценю воду, но еще я ценила нашу дорогую Росс. Расставаться с ней было настоящей мукой. Уверю тебя, она все понемалу, не хуже собаки.

Как я соскучилась, Марта! Как мне хотелось бы поскорее увидеться! Может, мы приедем в город на ярмарку, и снова обнимемся, и отправимся за яблоками в карамели, и станем опять беззаботными подружками.

Умоляю, не променяй меня ни на кого!

Любящая тебя,

Мэй

Мэй научилась врать так ловко, что даже не заметно, где кончается правда и начинается все остальное. Порой проскальзывают очень искренние слова, как, например, эти строчки о Росс: но Марте этого не понять, вряд ли она представляет, как можно привязаться к корове, такой грязной, страшной и вонючей, с огромными

неподвижными глазами. Ложь доставляет больше радости, потому что пока ты ее изобретаешь, на секунду сам веришь, что это правда, и кажется, что все по-другому, все возможно. Мэй перечитывает письмо и думает, не зачеркнуть ли кое-что, но выйдет неаккуратно и грязно — да и жалко вымарывать. *В красную и белую полоску, как карамельная тросточка*, — надо же было такое написать! Когда она вспоминает Бостон, ей уже кажется, что это был сон: подумать только, тогда она была счастливой обладательницей пары зеленых сапожек. Зеленых! Она их носила до последнего, поджимая пальцы ног, — которые тем временем росли и росли, как это часто бывает, — чтобы насладиться сапожками еще денек-другой, и только когда они чуть не лопались по швам, мать отдала их беднякам, поскольку в семье на тот момент донашивать их было некому. Но то были совсем другие времена: тогда еще отец был уважаемым учителем — преподавал в школе, которую сам и открыл. А теперь никакого нового платья. Деревенские мальчишки, когда она проходит мимо, пихают друг друга в бок и корчатся от смеха: они обзывают ее девочкой в мешке или пилигримкой. Они никогда к ней не привыкнут. Может, даже лучше, что Марта этого не видит и представляет ее себе такой, как раньше.

К счастью, есть еще перо, бумага и чернила. Отец может отказаться от многого, но от своих рабочих инструментов, орудия своей мысли, — никогда. Это единственная роскошь, которую он позволяет себе и другим. Поэтому Мэй пишет и пишет. Ведь так можно подправить реальность, сделать ее лучше. Это как с чтением, но только еще прекраснее: ведь истории, которые ты читаешь, уже готовы, а те, которые пишешь, — надо еще выдумать.

— Мэй! Мэй! — немного усталый матушкин голос доносится до комнаты девочек под самой крышей.

Мэй безропотно закрывает чернильницу, вытирает перо, кладет его в желобок на письменном столе, чтобы не укатилось, и, помахав в воздухе исписанным листочком, убирает его под стопку книг. Она хочет еще добавить какой-нибудь смешной рисунок: Джун делает первые шаги, или котята вскарабкались на деревья и не могут слезть. Рисует она, правда, не очень, но что поделаешь. Когда письмо будет готово, решает она, надо непременно придумать, как донести его до деревенской почты и как раздобыть денег на марку. Кусты вдоль реки все обсыпаны ягодами крыжовника, а хозяйки любят варить крыжовенное варенье, но пачкать и царапать руки, собирая ягоды, им совсем не по нраву. Она наберет

полные корзины и будет их продавать, как индианка. Одна корзина — одна монетка. Какая дерзкая мысль. Может быть, даже останется немного на два леденца из жженого сахара: для нее и для Эйприл, они будут сосать их, пока конфеты не станут совсем тоненькими и прозрачными, как стеклышко. А Джун, к счастью, еще слишком мала для леденцов.

— Мэй!

— Иду, матушка, иду.

Интересно, что ей понадобилось. Какие дела еще остались на сегодня в нашем Раю? Вымыть посуду? Закрыть кур в курятнике? Спускаясь по лестнице, Мэй слышит мужские голоса в гостиной, ровный гул беседы: то громче, то тише. Торжественный тон отца, который говорит как из-за кафедры, даже когда сидит в кресле. И теплый смех Прекрасного Господина. Он только что приехал — приехал, чтобы остаться, так он сказал.

Мэй бросилась к нему, он обнял ее и приподнял в воздух, а она стала болтать ногами, смеясь и пытаясь высвободиться.

— Столько нам предстоит с тобой сделать, Девочка, — сказал он и еще раз прижал ее к себе, прежде чем поставить на ноги.

Мэй почувствовала себя очень важной персоной: ведь она для него единственная Девочка на свете.

— У нас у самих много дел, Генри, — сказала мать, когда они вышли на крыльцо с ним попрощаться, и поджала губы, отчего лицо у нее сразу сделалось старше.

— Да, понимаю. Но вы же будете отпускать ее ко мне ненадолго?

Тут вмешался отец, чье слово в спорах всегда было последним.

— Конечно, Генри, конечно.

Он взял Мэй под руку и завел в дом, как будто она его собственность.

Они просто ревнуют, мать с отцом. Они еще не знают, что Прекрасный Господин и Девочка созданы друг для друга и их так просто не разлучишь.

— Будь умницей, принеси еще два ведра воды на утро. — Мать погладила ее по голове и легонько дернула за косичку.

Мэй выскользнула из-под ее руки и подхватила ведра. За дверью вечер приятно холодит кожу. Миллион сверчков стрекочут хором свою песню. От дома до колодца всего несколько шагов, приключений тут не встретишь, зато можно немного испугаться, когда мимо лоскутком черного бархата проносится летучая мышь. Только вздрогнуть успеешь, а ее уже поглотит синева. Все-таки одно дело писать о летучих мышах, и совсем другое — когда они пролетают прямо у тебя над ухом. А потом уже скрип

ИСТОРИЯ МЭЙ МАЛЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЫ

ворот, грохот ведра и плеск, когда оно шлепается в воду, ведро тяжелеет, и в кружочке воды отражается луна. И еще раз все сначала. Теперь две луны дрожат в двух ведрах. А по ту сторону холма живет девочка, которую зовут таким красивым именем: Две Луны. Может, завтра Мэй сбегает ее проведать. Или послезавтра, если завтра слишком много дел.

*Приезды
и отъезды*

